

Александр Куприн

Вальдшнепы

Александр Иванович Куприн
Вальдшнепы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172699

Содержание

4

Вальдшнепы

Нас только двое: я и бурдастый белый пойнтер Джон, кобель чистой английской породы. Он обладает чудеснейшим верхним чутьем, на охоте строг и неутомим; ни воды, ни болота не боится. Но есть у него один порок, который тонкими охотниками считается совершенно портящим все прекрасные достоинства подружейной собаки. Он, увы, неравнодушен к зайцам. В прошлом году лесной объездчик Веревкин, натаскивая Джона, прозевал по небрежности, что полем, прямо на Джона, мчится, как оголтелый, осенний русачище. Ему бы тут надлежало сейчас же остановиться, притянуть к себе пса за ошейник и легонько его образумить плетью: «Ты, мол, сукин сын, – собака благороднейших кровей, и не тебе, как какому-нибудь выжлецу, гоняться за зайцами». А когда Веревкин успел опамятоваться, пойнтер уже нагнал косоглазого и весь в крови заячьей стал его освежевывать. Правда, потом Веревкин отнял у него косоного, но что тут толку? Хлебнувши горячей заячьей крови, стал английский кобелек совсем никуда не годным. Пробовали его и учить, и стыдить, и уговаривать, и наказывать, и плеткой его лупили несосветимо. Нет, ничем невозможно было у него эту страсть чертовскую из души выбить. Бывает, учует, Бог знает

из какой дали, красную дичь: бекаса, дупеля, перепелку, утку, тетерева, глухаря; учует и тянет по нему. Весь, как струна. Не дышит, ни кустиком, ни веточкой не зашуршит. Только на охотника оком взирает: «Видишь? Идешь?» И вот в это-то напряженный момент, когда охотник весь дрожит от волнения, принесет нечистая сила сумасбродного русака, и прощай всё. Ведь за полверсты их, проклятиков, Джон учуивал. Бросит живой, пахучий след и айда сломя голову. Только его и видели. Вернется домой к вечеру. Морда вся в крови. Бить его станут – молчит: «Знаю, мол, что виноват, и сам не рад этой противной шали. А вот ничего с ней поделывать не могу. Бейте! Заслужил!»

Да и сам объездчик Веревкин, после того как знаменитого пса испортил, стал шибко винцом баловаться и охотничий азарт потерял. А какой был охотник! какой знаток! По охоте-то он во всей Новгородской губернии вторым после великого охотника, Константина Иваныча Трусова, помещика, считался. И вот погиб человек за собаку.

Но теперь, в этот весенний вечер, и я и Джон оба идем спокойные и уверенные в себе. Ничто на свете нас не волнует, кроме того, что сейчас вот-вот из неведомой дали слышатся первые едва внятные звуки вальдшнепиной тяги. И никакие зайцы нам не помешают. Осень и зима – вот это заячьи времена года, когда зайцы бегают по чернотропу и испещряют следами белые снега. А ранней весной зайцы ку-

да-то исчезают, прячутся, а куда именно – никому не известно из людей и охотников.

Начинающее потухать синее небо все в белых барашках; закат тихий, розовый – приметы хорошей погоды на завтрашний день.

Мы уже давно и далеко отошли от человеческих домов; идем узкими тропами, наезженными колеями, переходя через болота, ручьи и речушки по древесным гатям, которые местные крестьяне называют лавами. Нам надо найти такое гладкое и сухое местечко, которое, с одной стороны, было бы удобно для прицела и выстрела, а с другой – заманчиво для вальдшнепов, пролетающих в блаженном безумии всемогущего тока.

Пахнет завязями ольхи: ее длинные сережки терпко благоухают, подобно клейкому тополю. Березовые распускающиеся листочки посылают свой смолистый аромат. Джон начинает волноваться. Его слух, конечно, слабее, чем у кошки, но он во много-много раз острее, чем у человека, которого природа скудно одарила всеми чувствами, дав ему взамен огромное обладание умом, делающим его то великим, то несчастным.

Для меня уже несомненно, что Джон в расстоянии, недоступном для моего слуха, успел поймать и опознать звуки вальдшнепа, стремительно летящего на ток. Я пристально гляжу на собаку, как красив в эту минуту гладкий, белый, сильный, весь дрожащий пойнтер. Его нетерпеливая морда

обращена на северо-восток. Каждый мускул его напряжен изо всей силы, Я знаю, что ему хочется визгом известить меня, тугоухого: уже близко передовой вальдшнеп.

Но на охоте есть суровый закон, строго запрещающий в охоте на дичь и людям и собакам всякие звуки и слова, не идущие к делу; и Джон молчит, содрогаясь всеми мускулами тела. И в его глазах, с мольбою обращенных ко мне, я ясно читаю:

«Да неужели ты не слышишь, жалкий, беспомощный человек, что *он* летит на нас, что он уже близок. Бери же, наконец, в руки свое железное длинное орудие, которое извергает гром, и огонь, и смерть. Зачем ты тянешь время? О глупое, неловкое животное, лишенное благородных инстинктов!»

Мне становится стыдно перед собакой, и я загораюсь охотничьим пламенем, уши мои как будто бы разверзаются, и теперь с ясностью и со страстью я узнаю снова давно знакомые мне два колена вальдшнепиной тяги. Сначала два харкающих звука, хру-хру, и тотчас же за ними два нежных свистка, фью-фью.

– Хру-хру, хру-хру, фью-фью. Хру-хру, фью-фью, хру-хру, фью-фью.

У кого из ружейных охотников не дрожали руки и не холодели щеки при первом выстреле в весеннего вальдшнепа на току? Так и я с бледными губами и с дрожащим сердцем навел прицел. Вальдшнеп летел прямо как пуля. Я нажал на собачку. Ахнул со звоном оглушительный выстрел. Загуде-

ло в ушах, приклад больно отдал в левое плечо ¹, и сурово запахло порохом.

Джон, неистово трясясь от восторга, спрашивал глазами: «Что же не велишь принести птицу? Ты только приказывай, о огненный человек. Ты только бей их, а я тебе их всех до одного перетаскаю, хоть всех, которые есть на свете».

– Шерш, – сказал я, и Джон красиво, точно в воду, нырнул в глубокую чащобу. Он выкатился из кустов не позже двух минут, но за это время я успел увидеть сквозь темнеющий закат, что против меня на пригорочке в камышах стояла Устинья, старшая дочка лесника, здоровая, веселая и красивая девка. Я пригрозил ей несердито пальцем – не шуми, мол, и деревьев не шатай. И она, понявши, успокоительно кивнула два раза головой: «Это я понимаю, недаром лесника дочка».

Я убил за эту тягу двенадцать вальдшнепов. Все плечо отбило тяжелое ружье, да и устал я. Джон разобиделся на меня – зачем прекращаешь охоту. У них теперь самый лёт пошел. Всех бы их перебили, сколько есть на свете. Но я уперся. Был у меня такой охотничий завет: убей столько, сколько съесть можешь, а больше стрелять – уж это совсем напрасно. Я и так четыре штуки по глупой жадности ухлопал. Пришлось отдать в подарок Устинье. Уж очень смешно с ней торговаться было. Языкатая она девчонка была. Я говорю:

– Вот тебе, Устюша, четыре вальдшнепа, а ты меня один

¹ Я всегда по разноглазию стрелял с левого плеча. (Прим. автора.)

разок поцелуй.

– Эка, ты бесстыжий какой. Да ведь мы с тобой на крестинах у Бобылевых покумились, кумом да кумой сделались. А кумовьям – ты спроси хоть любого попа, он тебе скажет, что куму и куме любовью заниматься – это грех самый тяжелый и непростимый.

– Да то любовь, а то поцелуй с кумой, и на Пасхе и при водочке целоваться нисколько не зазорно.

– Так ты и приходи на Пасху, тогда я тебя и три раза с удовольствием расцелую.

– Да постой, Устюша, ты это дело не с той стороны разбираешь. В брак мы с тобой, кума с кумом, никак не можем вступать, и поп нас венчать никогда не станет. А целоваться-то нам ничуть не заказано, и целоваться мы можем, где захотим и сколько захотим, и нам это будет отнюдь не поцелуй, а как бы ликование безгрешное, апостольское.

А она вдруг как расхохочется.

– Знаю я это, знаю... Ты его считай за апостола, а он хуже кобеля пестрого. Вон на Джонкин манер...

Славная она была девка, эта Егорова Устюша.

А перед войной я жениха нашел подходящего, помощника механика на паровозе, Ильюшку Лаптева. Сам и посаженным отцом был у них на свадьбе. Эх, парочка какая была ладная. Посмотреть было любо на них.

Да вот пришла эта война проклятушая, а потом эти колхозы и другая неразбериха. И где они все: и лесник Егор, и

Ильюша с Устюшей, и объездчик Веревкин, и все грамотные лесничие, и охота русская, и хозяйство русское, и прежние наши охотничьи собаки. Все как помелом смело. Ничего не осталось. А почему? Кто это объяснит?

Темнеет. Трудно видеть предметы. Я укладываю в ягдташ длинноносых вальдшнепов и перекидываю через плечо ружье. Добрый, ласковый голос Устюши спрашивает:

– Ужинать домой пойдете или у нас, у бабушки, поужинаете?

– Если можно, то, пожалуй, к вам пойду.

– Да сделайте милость. Вы парочку птиц мне дайте, я вперед побегу и для вас кулеш состряпаю.

– Прекрасно, – говорю я. И я отлично знаю, что Устюшу вовсе не кулеш с вальдшнепом интересует, а мои незатейливые рассказы о морях, горах, народах, обычаях.

Ум у нее светлый, любопытный и никогда не насытимый.